

Ю. Д. Гранин,

доктор философских наук, профессор¹

НОВАЯ ФОРМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Подводя предварительные итоги первой четверти XXI века, ознаменованного глобальной пандемией, военно-политическим и экономическим конфликтом России с Украиной и «коллективным Западом», многие отечественные и зарубежные аналитики оценили их как беспрецедентное по масштабам и скорости изменение характера мирового развития, и, даже, как деглобализацию человечества. Если первое утверждение имеет солидное эмпирическое подтверждение, то второе можно охарактеризовать как теоретический казус. В основании которого лежит нерелексируемое многими аналитиками и методологически спорное представление о возможности «оборачивания» тенденций и «законов» истории. Как и «физическое», историческое время необратимо, а значит и тенденции исторической динамики не могут быть «повернуты вспять». Следовательно, и глобализация как многовековая тенденция к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную общность может изменять (и изменяет) лишь темпы и конкретно-исторические формы своего осуществления. Она может быть прервана лишь в результате планетарной катастрофы, за которой последует массовое вымирание и социальная деградация человеческого рода. Есть и дополнительные аргументы против

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч. 12 монографий: «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции», «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др. Член Союза журналистов РФ.

использования концепта деглобализации. Учитывая их, продуктивно вести речь лишь о смене исторических форм глобализации, меняющих «центры» и «порядки» развития человечества, но не отменяющих его поступательного движения ко все большей взаимозависимости и связанности больших и малых сообществ людей – народов и цивилизаций.² Поэтому, кстати, масштабные экономические и информационно-культурные антироссийские санкции Запада 2022-2024 годов оказались малоэффективными.

На протяжении многих столетий глобализация транспортных, торговых и людских потоков, формирование региональных, макрорегиональных и глобальных финансовых и экономических сетей и корпораций, международных политических организаций, союзов и альянсов осуществлялась, главным образом, посредством политики глобализма исторически сменяемых друг друга в качестве лидеров великих держав, образывавших пояс стран-сателлитов и всегда претендовавших на мировое господство. Ни одной из них не удалось достичь желаемого. Но интеграция человечества усиливалась. И уже к концу XIX века стало возможным констатировать появление качественно нового состояния истории человечества: она действительно стала «всемирной», но не однородной. Как и ранее образывались периодически сменяемые «векторы», «центры» и «полюсы» экономического и политического развития.

После второй мировой войны человечество вступило в эпоху двуполярного состояния – период конкуренции двух миросистем: «евроатлантической системы капитализма» и «мировой системы социализма», завершившийся переходом к однополярной глобализации под эгидой США. Этот период мог бы продолжаться, если бы США сами

² Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1(13). С.90-103.

не торпедировали сформированную ими же тенденцию к однополярной неолиберальной глобализации мира, в пространстве которой не только они, но и многие страны так называемого «второго эшелона развития» (Китай, Россия и др.) получали немалые экономические и технико-экономические выгоды³. В итоге из возможного партнера и даже союзника Россия (в меньшей степени КНР) превратилась в противника «и стала военно-стратегическим стержнем не-Запада, который чаще всего называют Глобальным Югом, более точное название – Мировое большинство»⁴.

Последняя квалификация России (как «военно-стратегического стержня Мирового большинства»), пожалуй, слишком поспешна. Действительность такова, что так называемое «мировое большинство» крайне неоднородно, а его «азиатская часть» пока игнорирует предложенный В.В. Путиным проект создания новой континентальной мегаструктуры (Большое Евразийское партнерство), которая должна объединить общеконтинентальные усилия с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и быть открытым для стран ЕС. Политика прагматична. А потому наших партнеров больше интересует возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия, космических услуг (объем которых неуклонно сокращается), ну и конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти им навстречу, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на XIV саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными

³ Ли Сянь Лун. Америка, Китай и угрозы конфронтации // Россия в глобальной политике. №4. 2020. Июль –август. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/>

⁴ Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 55.

партнерами в Евразии (Индией и Китаем) – это их *объективное ценностно-смысловое противостояние Западу* в качестве особых «стран-цивилизаций», вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности.

Особенно это противостояние усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 году Штатами «холодной войны» Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию другого макрорегионального проекта: создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как тактического дипломатического альянса трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав мало вероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то, что Китай и Индия не имеют в гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, ища краткосрочные и долговременные выгоды для самих себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира («игры без правил»), когда политика действий через «глобальные институты» становится неэффективной, далеко заглядывать не приходится. Поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи их внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся

государств. В пространстве такой диалектики «внутреннего» и «внешнего» перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам «второго мира», вынужденных участвовать в зачастую совсем нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, *нужны согласованные национальные стратегии развития*, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, реформирование экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является *мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации*. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу. Пример первого варианта развития дала Япония и «новые индустриальные страны» Юго-Восточной Азии. Итоги их развития в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющ.

Прежде всего обратим внимание на то, что сближает Китай и Россию: это отсутствие войн между двумя странами, сопоставимый военный потенциал, весьма значительный государственный сектор экономики, централизованный характер управления, наличие довольно жесткой властной вертикали, полиэтничность (при значительном преобладании «ядрового народа» цивилизации - русских и китайцев) и связанная с ней культурная гетерогенность. Вместе с присутствием так

называемого «советского синдрома» (комплекса воспоминаний о совместно пережитом, и в значительной мере идеализированном, прошлом) эти черты экономики, населения и власти России и Китая объективно создают предпосылки для их сотрудничества. По всем остальным цивилизационным параметрам (религии, господствующему мировоззрению, отношениям к семье и труду, жизни и смерти, характеру строения общества, власти и др.) они отличаются. И это обстоятельство оказало серьезное влияние на постановку и решение задачи модернизации России, Индии и Китая в конце XX- начале XXI века.

Так китайское руководство, как и китайские ученые, интерпретируя современную (либеральную) глобализацию в качестве исторически неизбежной, оценили место своей страны в этом процессе весьма прагматично: с позиций извлечения максимальных выгод для Китая, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с участием в данном процессе. Для этого начиная с 2001 по 2010 год Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно - характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год.⁵

Впечатляет не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, авторы включили Китай лишь в число «предварительно-развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но учитывая темпы роста, китайский прагматизм, планируемые

⁵ *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010)*. Под редакцией Хэ Чуаньци и Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.

экономическую, социальную и научно-техническую политику Китая эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения. Китай уже сейчас по многим показателям превзошел Россию⁶. А учитывая масштабы вложений КНР в науку и образование⁷ можно предположить, что постепенно БРИКС будет выстраиваться вокруг Китая и вскоре станет китайским проектом. Россия в нем будет занимать достойное, хотя и не доминирующее положение. Но только в том случае, если завершит войну с Украиной и «коллективным Западом» на собственных условиях.

Победа в этой войне а) предполагает демилитаризацию западных территорий, которые получают статус нейтрального государства; б) неизбежно ведет к «деколлективизации» Запада с последующим ослаблением режима антироссийских санкций, что, в свою очередь, в) создаст условия для системной модернизации страны.

Планируя ее перспективы, не следует впадать ни в грех имперского мессионизма, ни в «цивилизационное равнодушие», которое предлагает Борис Межуев.⁸ В области внутренней политики следует сосредоточиться на развитии социальных программ, медицины, образования и науки, на комплексном освоении Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений – политике «гибких союзов» и альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «От Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время «Большой Евразии» неизвестно, когда наступит.

⁶ Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 4. С. 6–22.

⁷ Общие расходы Китая на исследования и разработки (НИОКР) в 2022 году превысили 3 триллиона юаней, что эквивалентно 418,2 миллиарда долларов США. Это на 10,1% больше, чем годом ранее. В это же время траты Китая на НИОКР подскочили на 7,7 % в постоянных ценах, что выше целевого показателя годового роста в 7 процентов, установленного на период 14-й пятилетки (2021–2025 годы).

⁸ Межуев Б.В. *Цивилизационное равнодушие // Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 5. С. 61–78.

Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.